

*Посвящается всем,
у кого когда-либо была своя Марли.
Никогда не отпускайте ее.*

— М. Д.

Посвящается Микки.

— Р. Л.

ГЛАВА 1

Браслет с подвесками приятно оттягивает ладонь. Я уже смотрел на него миллион раз и вот снова достал и придирчиво оглядываю со всех сторон, потому что знаю: всё должно быть идеально, дабы исправить то, что нуждается в исправлении. В начале я присматривался к более изящным, тонким браслетам, вроде тех, что обычно носит Кимберли, но эта вещица затронула какие-то потаенные струны моей души; солидные, прочные серебряные звенья украшения напоминают мне наши с Ким отношения, такие же крепкие... по большей части.

Несколько месяцев назад, когда я заказал браслет, предполагалось, что это будет подарок, приуроченный к нашему выпускному, а вовсе не подношение в духе «прости, давай помиримся», но Кимберли в последнее время почти со мной не разговаривает. Отдалилась от меня. Она всегда так делает после ссоры.

Впрочем, я толком не понимаю, поругались мы или нет, так что не уверен, за что должен просить прощения.

Тяжко вздыхаю, несколько раз проверяю, нет ли кого в туалетных кабинках отеля, потом смотрю на свое отражение в зеркале.

Озабоченно хмурясь, провожу пятерней по своим непокорным каштановым волосам, чтобы они лежали аккуратно, как любит Кимберли. После нескольких неудачных попыток мы с волосами сдаемся, и мое внимание вновь возвращается к браслету.

Поблескивающие серебряные подвески позвякивают друг о друга. Я рассматриваю украшение, и этот звук смешивается с приглушенным шумом за дверью: вчерашние старшеклассники отмечают окончание школы. Возможно, когда Кимберли увидит эту вещицу, она, наконец, объяснит, что между нами не так.

Хотя кто знает. Может, она просто поцелует меня, скажет, что любит, и дело вовсе не во мне.

Наклоняюсь, пристально разглядываю шесть крошечных подвесок — по одной на каждый год, что мы с Ким провели вместе. Мне очень повезло найти на «Этси» мастера, который согласился разработать дизайн этого браслета, ведь у меня напрочь отсутствует художественный вкус. Теперь это не просто браслет, это символ наших жизней, слившихся в одну.

Большим пальцем я нежно поглаживаю детали нашей истории, несколько подвесок подмигивают мне, когда на них падает свет.

Пара помпончиков для чирлидинга, декорированные белой и бирюзовой эмалью — точно такие помпоны держала в руках Кимберли, капитан чирлидеров, в тот вечер, когда я официально предложил ей стать моей девушкой.

Маленький золотой стакан для шампанского, вдоль его края сверкают малюсенькие пузырь-

ки-бриллианты — напоминание о моем тщательно продуманном предложении, сделанном несколько месяцев назад. В тот день я утащил из бара своей мамы бутылку шампанского, чтобы удивить Кимберли. В наказание мама посадила меня под домашний арест на целую вечность, но это стоило того, чтобы увидеть веселый блеск в глазах Кимберли, когда я с громким хлопком вытащил пробку.

Перекаत्याю в пальцах самую важную подвеску, размещенную в центре браслета: серебряный дневник, снабженный настоящим замочком.

Как-то раз — это было еще в средней школе — мы с Кимберли занимались у нее дома, и в какой-то момент она поднялась наверх и закрылась в ванной. Я вытащил из ее рюкзака розовый дневник и написал на трех первых чистых страницах: «Я ♥ тебя».

Обнаружив это, Кимберли ударилась в слезы, быстро сменившиеся потоком обвинений.

— Ты прочитал все мои секреты?! — кричала она, указывая на меня пальцем, а другой рукой крепко прижимала дневник к груди.

— Нет, — заверил я ее и придвинулся вместе с табуреткой ближе к Кимберли. — Просто я подумал, что это будет... Не знаю. Романтично.

И тогда она набросилась на меня. Я не сопротивлялся, позволил ей повалить себя на пол, потому что пришел в восторг оттого, что ее красивое лицо так близко от моего, и в конце концов наши взгляды встретились, и недовольство исчезло из ее глаз.

— Это очень романтично, — сказала она, а потом ее губы неуверенно коснулись моих.

Наш первый поцелуй. Мой первый поцелуй.

Осторожно, чтобы не сломать, я открываю малюсенькую подвеску-дневник и переворачиваю тонкие страницы — их всего три, и на каждой красуется надпись: «Я ♥ тебя».

Улыбаюсь: пустые звенья браслета ждут, что их тоже заполнят воспоминаниями, которые мы создадим вместе. По одному на каждый год, что мы проведем в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Потом я подарю Ким новый браслет, и мы начнем заполнять и его.

Дверь туалета распаивается и гулко ударяется о закрепленный на стене стопор. Я поспешно засовываю браслет в обтянутую бархатом коробочку, и подвески позвякивают, а в туалет вваливаются ребята из баскетбольной команды. Они наперебой вопят: «Кайл, что за дела, приятель?» и «Класс 2020, малыш!» Я широко улыбаюсь им всем и убираю коробочку обратно, в карман пиджака. При этом мои пальцы задевают заткнутую за пояс фляжку с «Джеком Дэниелсом», пункт первый моего плана, согласно которому мне предстоит убедить двух своих лучших друзей улизнуть с этой организованной школой вечеринки на наше место у пруда и отпраздновать по-настоящему.

Но сначала... нужно подарить Кимберли этот браслет. Выхожу из туалета, и короткий коридор выводит меня в битком набитый бальный зал супердорогущего отеля.

Я вливаюсь в людское море, прохожу под воздушными шарами белого цвета и цвета морской волны; некоторые шары уже оторвались от общей массы и теперь медленно перекатываются под сводчатым потолком. В центре зала натянут огромный баннер, надпись на нем гласит: «ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЫПУСКНИКОВ!», с длинного полотнища свисают сотни разноцветных лент.

Шум накатывает на меня волнами, из каждого угла так и бьет взбудораженная энергия: «МЫ СДЕЛАЛИ ЭТО!» Наконец-то. Отучившись последний год, я более чем готов свалить отсюда.

Прокладываю себе путь в гомонящей толпе. Стоило лишь раз пройти по сцене во время церемонии вручения дипломов, и вся ерунда, еще утром казавшаяся такой важной, в один миг перестала иметь значение. Каким спортом ты занимался. Какие оценки получал. Кто из девушек просил тебя быть ее парой на выпускном балу, а кто не просил. Почему мистер Луис доставал тебя весь семестр.

Вдруг оказывается, что Люси Уильямс, президент класса, всюю флиртует с Майком Диллоном, двоечником, отучившимся в десятом классе дважды, а очкарики из математического клуба мирно сидят за барной стойкой вместе с парой моих приятелей-футболистов, играющих на линии нападения, и соревнуются, кто ловчее метнет по столешнице кружку с пивом, так чтобы не пролить ни капли.

Сегодня вечером мы все одинаковые.

— Привет, Кайл.

Меня хлопают по больному плечу, чересчур сильно.

Стараясь не морщиться, поворачиваюсь и вижу Мэтта Паулсона, самого милого парня на планете, так что меня сразу охватывает чувство вины за то, что секунду назад я его ненавидел.

— Ой, извини, — говорит он, заметив, какого плеча касается его рука, и тут же ее отдергивает. — Ты слышал, осенью я еду в Бостонский колледж, буду играть в американский футбол.

— Ах да, — отвечаю я, отчаянно стараясь подавить привычную волну зависти, вскипающей в душе. Это не вина Мэтта, напоминаю я себе. — Поздравляю, старик.

— Слушай, если бы ты не руководил командой так, как руководил с самого начала сезона, меня бы даже не заметили. Ты был просто чумовым квотербеком. Если бы ты не научил меня всему, что знаешь, я бы не получил стипендию, — продолжает он и тем самым обильно, хоть и невольно, посыпает солью мою еще не зажившую рану. — Мне жаль, что так вышло...

— Всё нормально, — перебиваю я его и протягиваю ему руку, чтобы не выглядеть засранцем. — Удачи тебе в следующем году.

Выпустив ладонь Мэтта, я поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и продолжаю поиски, ноги несут меня подальше от Мэтта. Сейчас есть лишь один человек, которого мне хочется видеть.

Возле бара я останавливаюсь и верчу головой, высматривая Ким, окидываю взглядом толпу, но безуспешно.

— *Hors-d'oeuvre?*¹ — Раздается голос рядом со мной.

Оборачиваюсь и вижу официанта, протягивающего мне поднос с закусками — на кипенно-белой тарелке разложены какие-то комковатые бугорки. Человек озаряет меня дежурной улыбкой, которая буквально кричит: «Когда же, наконец, пройдет два часа, и я смогу уйти отсюда?!»

На его рубашке я замечаю логотип «Совиной бухты», единственного ресторана, расположенного относительно недалеко отсюда и знаменитого своей «классной современной кухней».

По всей видимости, даже Гордон Рамзи там обедал и не нашел ничего, к чему можно придраться.

— Почему бы и нет, — отвечаю я, одаряя официанта широкой улыбкой. Беру одну комковатую штуковину и забрасываю в рот, а официант уже идет дальше, дабы предлагать закуски другим гостям.

Мгновенное разочарование.

Это креветка? Или резина? Почему, черт возьми, оно такое нежующееся, и почему на вкус похоже на старую ветчину?

Очевидно, Гордон не распробовал это комковатое мясо, чем бы оно ни было.

Быстро поглядев по сторонам, я выплевываю отвратительное нечто в черную салфетку, которой снабдил меня официант, как вдруг меня ослепляет какая-то вспышка, и от неожиданности я подскакиваю на месте.

---

¹ Закуска (*фр.*)

Автоматически заслоняю глаза рукой, в которой сжимаю фальшивую креветку, и постепенно черные точки, пляшущие у меня перед глазами, рассеиваются, вместо них появляются добрые карие глаза и высокие скулы, такие же, как у меня. Мама одета в свое любимое белое платье в цветочек, ее широкая улыбка видна даже из-за мобильного телефона.

— Мама, не надо... — начинаю было я, но она уже жмет на кнопку, и меня вновь ослепляет вспышка.

— Знаешь, если уж ты собралась делать фотки, за которые мне потом будет стыдно, то хотя бы выключи вспышку. Необязательно меня ослеплять.

— О, девочки в «Инстаграме» придут в восторг от этого снимка. — Мама зловеще хихикает и, кроважно щурясь, тычет пальцем в экран.

— Мама. Не смей это постить, — предупреждаю я, быстро протягивая руку к ее телефону.

Одной рукой обнимаю маму за плечи, а другой пытаюсь отнять у нее телефон. Тут мой взгляд падает на экран, и я вижу сделанный мамой снимок: моя физиономия перекошена от ужаса, глаза полуприкрыты, резиновая креветка цепляется за мой язык, отправляясь в черную салфетку.

Черта с два я позволю «девочкам в «Инстаграме» это увидеть — или кому бы то ни было еще, если уж на то пошло.

Ким ни за что не забудет мне такого позора.

Мама выпускает телефон, обнимает меня, я завладеваю мобильным и поскорее удаляю изображение.

— Забудьте об этом, леди.

— Ладно. — Мама корчит обиженную рожицу, уголки ее накрашенных розовой помадой губ опускаются. — Давай, разбивай сердце своей старой матери. Оказывается, мне уже вообще ничего нельзя.

Я смеюсь, целую ее в щеку и на этот раз обнимаю по-настоящему, осторожно выгибаясь, чтобы мама не почувствовала фляжку, спрятанную у меня за поясом.

— Зато у тебя есть я, верно?

Мама картинно вздыхает.

— Полагаю. — Ее щека прижимается к моему пиджаку, и голос звучит приглушенно. — Так, — говорит она, отстраняясь, и улыбается от уха до уха. — А почему ты один? Ты еще не подарил Ким браслет?

Мое сердце учащенно колотится, как после футбольного матча.

— Жду подходящего момента, — отвечаю я и быстро оглядываю зал. — Ты ее не видела?

— Несколько минут назад они с Сэмом стояли возле террасы. — Мама кивает в сторону огромных, от пола до потолка окон, за которыми раскинулась гигантская каменная терраса, выходящая на внутренний двор гостиницы.

Мама протягивает руки и осторожно поправляет узел моего галстука, ее губы трогает легкая улыбка. Это виндзорский узел, в конце концов, я не такой щеголь, чтобы знать еще какие-то способы завязывать галстук, кроме классического. Когда я закончил седьмой класс, мама потратила всё утро